

Вспышки конфликтов, зажжённые войной в Газе

В своём комментарии от ноября прошлого года бывший сотрудник МИД Великобритании и советник лондонского *мозгового центра* IISS (Международный институт стратегических исследований) Джон Рейн расценил войну в Газе как подтверждение того, что на Среднем Востоке *«негосударственные субъекты, от ополчений до политико-религиозных движений»*, обладают *«непропорционально большой долей власти»*, которая, несмотря на *«силу государств»*, *«остаётся внешней по отношению к государственной системе»*. Они не определяют политику государств, но тем не менее остаются *«постоянной чертой региональной геополитики»*.

Многие из этих формирований, продолжает Рейн, на протяжении десятилетий получали *«материальную и моральную поддержку от государств-сторонников»* или *«сочувствующих»* внутри государств. Курдские и палестинские группы жили за счёт *«десятилетий националистических устремлений и недовольства»*, исламские экстремисты – за счёт *«радикальных идеологий»*, в то время как игроки в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене получали *«финансовую и оперативную поддержку»* из Ирана. Тегеран остаётся *«державой, исключённой»* из попыток сформировать региональный концерт, которые, по мнению Рейна, также являются *«функцией глобального восхождения Китая»*. В этом случае региональные государства, включая Иран, в той или иной степени пытались *«сочувствовать палестинцам [...] не рискуя оказаться втянутыми во взаимный военный конфликт или в конфликт с Израилем»*.

Комбинация идеологии и прагматизма Тегерана

«Негласной целью» государств, заключает Рейн, было *«сохранить контроль над своей и региональной политикой»*. Его оценка перекликается с нашим анализом. Мы писали, что *«террористические осколки ближневосточной буржуазии, реакционный терроризм, отравленные семена средиземноморской политики»* представляют собой *«последствия линий империалистической политики, реализующейся в этом регионе более столетия»*¹. Различные державы используют в качестве инструмента политического действия в том числе и *национальный предлог*.

Что касается региональных дозировок, то их отголоски можно услышать в тезисах Вали Каледжи – исследователя из Тегерана, близкого к кругам иранской оборонной политики. По его мнению, и дипломатическая нормализация между Саудовской Аравией и Ираном, совершённая при посредничестве Китая, и конфликт в Газе подорвали, по крайней мере на время, американские усилия по изоляции Тегерана. Ограниченный конфликт в Газе – это как раз та *«война, которую желает Тегеран»*: иранская поддержка ХАМАС не означает стремление к расширению конфликта, *«как минимум в нынешней фазе»*; в подтверждение аналитик приводит пример дозировки, которую использует Хезболла. Сочетая *«идеологию и прагматизм»*, Иран стремится поддержать *«локализованный»* конфликт. Но реализовать это на практике непросто, считает Каледжи.

Так же думает и директор отдела безопасности на Среднем Востоке в IISS Эмиль Хокайем. По его словам, в этом регионе войны не замыкаются *«внутри государственных границ»*: *«Здесь сочетаются базовые эмоции и обиды, иностранное вмешательство, отсутствие процесса региональной безопасности и извечная слабость местной дипломатии, и утеkanie конфликта за пределы границ становится более вероятным»*. Останется ли конфликт в Газе *«соперничеством за региональное влияние»* или станет *«открытой войной»*, будет зависеть от действий и реакций Израиля и Ирана. Совершённые Израилем точечные убийства руководителей Пасдаран и ХАМАС в Дамаске и Бейруте, признанные *вполголоса* Тель-Авивом, а также американская операция против хуситских ополчений в Йемене, могут *«изменить представления»* Ирана и спровоцировать его на ответные шаги, чтобы сохранить доверие к своим инструментам сдерживания. Однако сейчас исламская республика прибегает к *стратегическому терпению*. Хезболла, как и другие проиранские ополчения и организации так называемого *«шиитского полумесяца»*, *«предоставляет [Тегерану] стратегическую глубину»* и представляет собой *«резервную карту»* для сдерживания и Израиля, и США в случае возможной *«будущей экзистенциальной борьбы»*. Это намёк на

ядерную программу режима аятолл и её ускорение в направлении достижения порога военного атома.

Это элемент дискуссии между Эр-Риядом и Вашингтоном в рамках нормализации дипломатических отношений с Израилем. С точки зрения многих американских источников, Эр-Рияд хотел бы достичь договорённостей, аналогичных предоставленным Тегерану в рамках СВПД, который подписала администрация Обамы в 2015 году и от которого отрёкся Трамп в 2018-м, где немаловажная роль отводилась Израилю.

Израиль в лабиринте руин Газы

Эксперт по Среднему Востоку в *мозговом центре* британской армии RUSI (Британский институт оборонных исследований) Тобиас Борк считает, что последствия войны в Газе определяют региональный ландшафт к 2024 году. Перед Израилем встанут проблемы трёх типов.

Во-первых, чтобы восстановить доверие к своему сдерживанию, разрушенное 7 октября, Тель-Авив не приостановит операцию, пока не добьётся «устранения ХАМАС» от контроля над Газой и не разрушит его способность угрожать анклаву. Поскольку для достижения этих целей нужно применять и «духовные меры», Израиль, чей внутренний консенсус держится на стремлении окончить конфликт, должен будет добиваться и «символических побед», таких как устранение высших руководителей ХАМАС. Во-вторых, он должен будет разрешить ребус, как «управлять почти полностью разрушенным анклавом», чей вид навеивает воспоминания о Грозном, Мосуле, Ракке и Алеппо, если не уходить дальше в историю: непосредственно, то есть через повторную оккупацию, или через палестинскую или международную администрацию. Наконец, есть риск, что насилие на Западном берегу Иордана, достигшее пика со времён Второй интифады (2000–2005 гг.), породит третью проблему, углубляя политическую поляризацию в Израиле, которую конфликт в Газе не устранил.

Неожиданный активизм Эфиопии

Англо-американская военная интервенция против хуситских ополчений в Йемене, по мнению RUSI и не только, нацелена на «сдерживание и уменьшение» нападений на торговый трафик в Красном море, чтобы избежать слияния палестинского театра с театром энергетических артерий. Тем не менее, по мнению Борка, хуситы и их иранские покровители преуспели в том, чтобы сдвинуть часть региональной геополитической панорамы; они продемонстрировали, что располагают инструментами, чтобы «держать в заложниках» два «узких морских пролива, имеющих критическое значение для мировой экономики»: Суэц и Ормуз. Величина влияния Ирана и его ядерная программа, заключает Борк, должны будут вернуться в число приоритетных вопросов не только для американских и европейских, но и для арабских и азиатских канцелярий.

Однако, как мы видели, кризис порядка открывает возможности для пересмотра и территориального утверждения даже в регионах, которые ощущают как средневосточную напряжённость, так и действия различных крупных и средних держав. Если хуситы тревожат воды Красного моря, то на Африканском Роге эфиопский демографический гигант ищет выход к морю, который Аддис-Абебе «жизненно важен» для её экономического развития. Поэтому оно подписало соглашение с самопровозглашённой республикой Сомалиленд, бывшей британской колонией, которая стала частью независимого Сомали, но отделилась в одностороннем порядке в 1991 году из-за кризиса сомалийского государства и последующей гражданской войны. Решение, принятое в Эфиопии, вызывает опасения по поводу исчезающих границ на чёрном континенте, но не встретило серьёзного международного сопротивления. Эфиопия, крупный получатель китайских, а также средневосточных инвестиций, как и Саудовская Аравия, ОАЭ и Иран, присоединилась в этом году к форуму БРИКС, презентующему себя в качестве своего рода противовеса растущих держав клубу стран старого порядка.

“Решение Zollverein” и “иорданский вариант”

В прошлом месяце мы вернулись к гипотезам Арриго Черветто относительно «решения Zollverein» для палестинского вопроса, то есть региональной экономической интеграции.

Эти гипотезы можно найти в тезисах администраций Трампа, а затем и Байдена в рамках соглашений Авраама 2020 года и их распространения на Саудовскую Аравию. Мы упомянули Шимона Переса (1923–2016 гг.) – правую руку Давида Бен-Гуриона в министерстве обороны, архитектора израильской ядерной программы при поддержке Франции в 1955–1963 годах, а затем министра иностранных дел, премьер-министра и президента Израиля: в отношении соглашений Осло и мирного договора с Иорданией он призывал к созданию регионального “общего рынка” по модели Европейского общего рынка и Европейского экономического сообщества.

Его биограф Михаэль Бар-Зохар в книге 2007 года *“Shimon Peres”* пишет, что Перес был сторонником «иорданского варианта» и отношений с Европой. Это обусловлено его личными отношениями внутри европейского социализма, а также с Жаном Монне, Франсуа Миттераном, Конрадом Аденауэром и баварцем Францем Йозефом Штраусом. До начала 1970-х годов Перес считал, что Израиль должен стремиться к экономической интеграции с Европой, а не со странами Среднего Востока. После 1974 года в ответ на намерения иорданской монархии создать иордано-палестинскую федерацию он выдвинул формулы таможенного/экономического союза с Палестиной, вновь предложенные в 1993 году.

С окончанием “холодной войны”, считал Перес, в регион можно было направить «большие объёмы американского, европейского и азиатского капитала», экономически преодолев арабо-израильский конфликт, который начался с «раздела Палестины» в 1947 году. Как отмечает израильский историк Ави Шлайм, раздел был осуществлён, по сути, в результате «сговора» между новорождённым еврейским государством и хашимитской монархией Иордании при британской, а затем и американской, поддержке. Тель-Авив и Амман были главными выгодополучателями от «палестинской гражданской войны», которую сионистская историография называет «войной за независимость». Второстепенными бенефициарами были Сирия и Египет, которые получили Голаны и сектор Газа от британского мандата в Палестине, отторгнутой от Османской империи, и контролировали их до 1967 года. Палестинский вопрос, пишет Шлайм, стал с арабской стороны скорее элементом межарабского идеологического и политического соперничества, чем «символическим ограничением» для различных конкурирующих между собой формул «панарабизма» (*“Collusion over the Jordan”*, 1988; *“Lion of Jordan”*, 2008).

Иорданская монархия не поддерживала независимое палестинское государство, поскольку оно представляло потенциальную угрозу династии, и не могла, по крайней мере до 1988 года, отказаться от своих территориальных притязаний на Западный Берег реки Иордан, который до 1967 года представлял собой 50 % ВВП королевства и 30–40 % специализированной рабочей силы; также имел значение присмотр за Восточным Иерусалимом, третьей исламской святыней. Хотя Амман и не отвергал формулы Переса, он считал их чрезмерно оптимистичными и основывающимися на убеждении Переса, что он – «лучший из манипуляторов». Он размышлял также об израильском «экономическом протекционизме» на оккупированных территориях, которому способствовали колониальные поселения. Это было предприятие, стоимость которого, по некоторым данным, с 1967 по 2007 год составила около 60 млрд долл., со значительными интересами в сфере инфраструктуры, недвижимости, сельского хозяйства и повышения стоимости рынков земли (Dan Segre V., *“Le metamorfosi di Israele”*, 2007). Мирный договор с Иорданией, заключённый в 1994 году, не сопровождался соглашением о свободной торговле, которого очень хотел Амман.

Январь 2024 г.

---

¹ - Де Симоне Дж. Большой Средний Восток. СПб: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2017. С. 13.